

Академик С.П. Обнорский: личность ученого в контексте проблем и дискуссий отечественного языкознания (К 130-летию со дня рождения)

В статье анализируется научное наследие видного отечественного лингвиста – академика С.П. Обнорского (1888–1962). Автор не только обратил внимание на известные труды ученого, но и сделал обзор архивных материалов, рассказывающих о дискуссиях в советском языкознании 1930-х гг. Значительное место уделено идеям С.П. Обнорского в области разработки проблем истории русского языка.

Ключевые слова: С.П. Обнорский; лингвистическая персонология; история языкознания; русский язык; лексикография; письменная культура.

Oleg V. Nikitin

Academician S.P. Obnorsky: Personality of the scientist in the Context of the Problems and Discussions of Russian Linguistics (To the 130s Anniversary from Birthday)

The article analyzes the scientific heritage of an outstanding Russian linguist, academician S.P. Obnorsky (1888–1962). The author paid attention not only to the well-known scholar works, but also presented a review of archival materials, telling about the discussions in Soviet linguistics of the 1930s. A significant place is given to the ideas by S.P. Obnorsky in the development of the history of the Russian language.

Key words: S.P. Obnorsky; linguistic personology; history of linguistics; Russian language; lexicography; written culture.

Сергей Петрович Обнорский принадлежал к числу ученых, сформировавшихся в традициях старой дореволюционной школы отечественной филологии с ее повышенным интересом к истории языка и лингвистической палеонтологии. Она сложилась во многом под влиянием академика А.А. Шахматова, к числу учеников которого относился С.П. Обнорский. Так, в ранние годы он опубликовал работы, посвященные разбору древних памятников письменности: он писал о Супральской рукописи, Чудовской псалтыри XI в., Ефремовской Кормчей XII в. и т.д.

В то же время С.П. Обнорский сделал ряд интересных наблюдений и в области этимологии. Например, он издал небольшую

статью о слове *блюдо* и пытался проникнуть в таинственный мир русского слова *лахудра*, которую иногда возводили к близкому греческому слову *λοχόβρα* «роженица». С.П. Обнорский отверг эту версию: «Действительно, думать о связи этих слов было бы весьма затруднительно. Да и следует ли непременно думать о заимствовании? Слово известно лишь русскому языку и к тому же лишь в народном, по большей части областном употреблении; кроме того[,] семасиологическая сторона слова как-то отдаляет мысль о возможности его заимствования» [Обнорский 1914: 380]. Сопоставляя диалектологические словари и личные наблюдения, ученый пришел к выводу, что *лахудра* употребляется в двух значениях: «1) неряшливо одетая, обтрепанная, растрепанная женщина и 2) распутная женщина[,] нередко можно слышать в вульгарной речи Петрограда [Там же: 381]. Причем первичным значением, по мнению С.П. Обнорского, было «растрепанный», «оборванный», «неряшливый», а затем, в современных говорах, возникло другое: «(нравственно) истрепанный», «распутный», «а из совокупности этих значений легко вывести и общее значение “худой, изможденный, слабый”» [Там же: 381–382].

С 1916 г. выходят рецензии С.П. Обнорского на крупные научные труды, ставшие событием в лингвистике, которые

Олег Викторович Никитин, доктор филологических наук, профессор

E-mail: olnikitin@yandex.ru

ГОУ ВО МО «Московский государственный областной университет»

ул. Радио, д. 10А, Москва, 105005, Россия

Moscow State Region University

10A Radio str., Moscow, 105005, Russian Federation

Ссылка для цитирования: Никитин О.В. Академик С.П. Обнорский: личность ученого в контексте проблем и дискуссий отечественного языкознания (К 130-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. – 2018. – № 6. – С. 87–91. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-6-87-91.

показывают, что ученый обнаружил широкие познания в разных областях филологии. Его критические оценки «Грамматики русского языка» Р. Кошутича (1916), «Диалектологических разысканий в области великорусских говоров» Н.Н. Дурново (1925), «Исторической грамматики русского языка» К. Мейера (1925), «Исследований в области северновеликорусского наречия» В.В. Виноградова (1926), «Очерка истории русского языка» Н.Н. Дурново (1927) всегда корректны, свежи, фактологичны и характеризуют С.П. Обнорского как оригинального мыслителя и тонкого исследователя. Ведь написать рецензию на чужую книгу порой бывает сложнее, чем создать свою.

В 1927 г. выходит программная работа С.П. Обнорского «Именное склонение в современном русском языке», где на широком историческом и диалектном материале ученый показал развитие категории склонения (см. подробнее: [Обнорский 1927]). Названная монография вместе с капитальным трудом «Очерки по морфологии русского глагола» [Обнорский 1953] подняла планку историко-лингвистической ветви отечественной лингвистики на уровень дореволюционной школы. Богатство и разнообразие фактов народной речи, редкие источники, глубокие и оригинальные находки и обобщения сделали эти книги настольными пособиями не одного поколения ученых.

Совершенно удивительный труд С.П. Обнорского, созданный им в соавторстве с С.Г. Бархударовым, — «Хрестоматия по истории русского языка», — вышел в трех томах (частях) и охватил обширный пласт памятников письменности XI–XVIII вв. [Обнорский, Бархударов 1938; 1949; 1948], извлеченных из редких собраний. Впервые после «Исторической хрестоматии» Ф.И. Буслаева (1861) он воссоздал картину письменной традиции от начала ее формирования до периода создания общенационального литературного языка. Надо сказать, что для того марксистского периода в истории советского языкознания (а эта работа печаталась с 1938 по 1949 г.) подобные эксперименты могли окончиться весьма плачевно: марровская пропаганда диктовала совсем иные принципы научной работы, а поколение дореволюционных историков языка было почти уничтожено к концу 1930-х гг. или находилось в стесненном состоянии. И на фоне такой картины коммунистического «быта» в лингвистике была создана уникальная

«Хрестоматия», вобравшая как известные, так и малознакомые тексты разных жанров духовной, светской, деловой и народной литературы. В этих книгах есть примечательные иллюстрации к произведениям, таблицы и вклейки, воссоздающие подлинный колорит эпохи и рисующие своеобразные портреты времени.

Так, например, первая часть начинается с публикации древнейших иностранных источников о русском языке, Остромирова Евангелия, подписи Анны Ярославны 1063 г. и завершается изданием фрагментов текстов летописей, деловых грамот, песен Джемса, стихотворений Симеона Полоцкого, «Грамматики» М. Смотрицкого, повестей и пословиц (см. подробнее: [Обнорский, Бархударов 1938]).

Часть вторая (выпуск первый) этой «Хрестоматии» начинается с записей фольклора конца XVII в., печатных текстов «Вестей-Курантов», «Зрелища жития человеческого» из собрания Ф.И. Буслаева, продолжается документами эпохи Петра I, русскими «Ведомостями», «Арифметикой» Л.Ф. Магницкого. Здесь же даны редкие документы, характеризующие культурно-исторические интересы знати: «Азбука гражданская», «Брюсов календарь», «Приклады како пишутся комплементы разные», «Артикул воинский» и т.д. (см. подробнее: [Обнорский, Бархударов 1949]).

Часть вторая (выпуск второй) включила в отрывках произведения И.Т. Посошкова, К.Н. Зотова, В.Н. Татищева, А.Д. Кантемира, В.К. Тредиаковского, В.А. Нащокина, «Сборник» Кириши Данилова и другие интересные тексты (см. подробнее: [Обнорский, Бархударов 1948]).

Таким образом, были охвачены все пласты письменной культуры, которые в данном объеме и стали доступны студентам филологических факультетов. Причем авторы по возможности сохраняли оригинальные литеры, сокращения и другие черты древних текстов, что придавало «Хрестоматии» вид учебного памятника, которым могли пользоваться и специалисты.

Изданная в практических целях «Хрестоматия» до сих пор является самым полным и авторитетным источником по истории письменной культуры, доступным для самостоятельного изучения студентам-филологам, но, к сожалению, почти забыта авторами «модернизированных стандартов» современного вузовского образования.

Творческий диапазон исследовательских поисков С.П. Обнорского был разнообразен: от истории и этимологии до проблем грамматики, культуры речи и лексикографии. Можно сказать, что он был в некотором смысле традиционалистом и держался в стороне от громких дискуссий, которые попали на страницы крупных журналов. Но все же в его биографии был показательный эпизод.

Не обойти нам в этой статье и полемических вопросов, которые неизбежно сопровождают научные события. Прежде всего это взаимоотношения лингвистов разных школ, испытывавших друг к другу ревностные чувства и иной раз оказывавшихся идеологическими противниками. Эта история была впервые исследована нами в монографии [Никитин 2012], посвященной забытым страницам отечественной лексикографии первой половины XX в. В ней речь шла о дискуссии по поводу первого тома «Толкового словаря русского языка» (далее — ТС) под редакцией Д.Н. Ушакова, оказавшегося в середине 1930-х гг. в центре политической кампании. И роль С.П. Обнорского в шельмовании «Ушаковского словаря», к сожалению, была не очень благовидной. Мы знаем об этом по письмам и репликам участников тех событий.

Напомним читателям обстоятельства памятной дискуссии 1935 г. в Ленинграде в той части, которая касается имени С.П. Обнорского.

Еще до выхода в свет I тома атмосфера в научных кругах вокруг ТС начала накаляться. Настроение некоторых видных и влиятельных ученых Б.А. Ларин охарактеризовал Д.Н. Ушакову в письме от 18 марта 1934 г.:

«<...> мельком он [А.С. Орлов. — *О.Н.*] неодобрительно отозвался о нашем словаре. А когда я сказал, что наш словарь — своей орфографией — окажет огромное нормализующее и унифицирующее влияние, чуть он выйдет, — и что АН должна сейчас уже это учесть, <...> то на меня зашикали и Обнорский и Истрина и почти все члены комиссии. Тон был такой, что “нам на В<аш> словарь наплевать”» [Архив РАН. Ф. 502. Оп. 4. Ед. хр. № 20. Л. 3 об.]. И это не единственная «дружеская» реплика в адрес Д.Н. Ушакова и его коллег по лексикографическому труду.

Незадолго до обсуждения ТС опять в письме Б.А. Ларина Д.Н. Ушакову от

24 октября 1935 г. проскальзывает ироническая нотка: «В Обнорской мастерской — пока не высказываются, но все обзавелись, держат у себя на столах и, по словам Ожегова, все усердно пользуются нашим Словарем» [см. подробнее: Архив РАН. Ф. 1516. Оп. 1. Ед. хр. № 136].

Наконец, в один из дней декабря 1935 г. состоялась настоящая битва марристов и антимарристов, продолжавшаяся, по воспоминаниям участников, семь часов. С.П. Обнорский в данной ситуации оказался на стороне идеологов «нового учения о языке». Его доклад Б.А. Ларин назвал «наиболее подлым и вредным» [Там же: л. 17] и пересказал основные тезисы так: «он признает только одно достоинство у авторов ТС — это их дерзость»¹; «он считает ТС образцом отрицательным, не велит своим сотрудникам следовать ему» [Там же]. Из ученых, поддержавших Д.Н. Ушакова и его соратников, с речами к аудитории обратились... Р.О. Шор — «очень убедительно вскрыла обывательскую скудоумность ряда обвинений», Л.В. Щерба — «хвалил нас до ужаса (Epochemachendes Werk, произведение, “гораздо выше Даля”)» [Там же: л. 17 об.].

Почему же так произошло, что С.П. Обнорский фактически оказался на стороне марристов? Одной из версий такого поведения ученого, занимавшего к тому времени «членкоррскую» должность, может быть то, что он тоже являлся опытным лексикографом и редактировал выпуски академического «Словаря русского языка», начатого еще академиком Я.К. Гротом и продолженного А.А. Шахматовым. «Ушаковский словарь» в каком-то смысле стоял на пути профессиональных интересов С.П. Обнорского. И хотя ТС был рассчитан на широкую публику и не претендовал на всеохватность лексики, такой культурный перекося в сторону московских лингвистов давал основание их ленинградским коллегам чувствовать себя более уязвимо. Неприкосновенными они уже не были к тому времени, и их проект находился на грани закрытия и в конце концов был остановлен. По словам В.М. Алпатова, «в ноябре 1933 г. неприятности впервые коснулись и Института языка и мышления. В картотеке Академического словаря <...>, группа составителей которого во главе с С.П. Обнорским была поглощена Институтом языка и мышления

¹ Здесь сохранены подчеркивания подлинника.

за два года до этого, были обнаружены “политические дефекты”. Было признано, что Словарный отдел института “не перешел на позиции нового учения о языке”. <...> многолетняя работа над словарем стала свертываться, а в 1937 г. в связи с “политическими дефектами” была прекращена (С.П. Обнорский, впрочем, не пострадал)» [Алпатов 1991: 109–110].

Таким образом, «Ушаковский словарь», несмотря на ожесточенное сопротивление марристов, был завершен, а академическое издание «Словаря русского языка» ушло в историю.

Эмоциональность полемического запала понятна: решалась судьба отечественной лексикографии. По какому пути она должна пойти? Станет ли новый словарь придатком идеологии, рупором ее идей? Перейдет ли он полностью под влияние марристов? От исхода этого непростого и весьма опасного дела зависели судьбы многих талантливых лингвистов. По счастью, партийную машину удалось остановить благодаря самоотверженной деятельности Д.Н. Ушакова и его учеников (см. подробнее об этом: [Никитин 2012]).

Но все же позднее, в конце 1940-х гг., С.П. Обнорский вновь приступит к лексикографической работе уже над новым популярным однотомным «Словарем русского языка», составленным С.И. Ожеговым (примечательно, в самый канун Великой Отечественной войны проект этого «Словаря» был утвержден Д.Н. Ушаковым и планировался к выходу в ближайшие годы). Потом Дмитрия Николаевича не стало, и его противник превратился в... соратника и консультанта ближайшего ученика Д.Н. Ушакова – С.И. Ожегова. Выпущенный в 1949 г. «Словарь русского языка» на титуле содержал имя и академика С.П. Обнорского, под редакцией которого он и был издан.

В общественной деятельности С.П. Обнорского было много противоречивого, и мы не вправе осуждать его за такие «предпочтения». Ученые того времени всегда лавировали, иногда выгадывали – им было очень непросто сохранить свое лицо. С.П. Обнорский один из немногих крупных филологов дореволюционной школы, который не подвергся репрессиям и по сути вместе с академиком И.И. Мещаниновым после смерти Н.Я. Марра был на вершине власти и все же тяготился ею. Ему хотелось, как и прежде, в молодые годы,

листать страницы «Слова о полку Игореве» или «Моления Даниила Заточника» и оставаться в плену совсем других фантазий и куда более благородных идей.

Но даже в такой сложной обстановке С.П. Обнорский не бросал своих коллег, прошедших ГУЛАГ, и поддерживал их, как мог. Мы имеем в виду его сотрудничество с опальным А.М. Селищевым, о чем сохранились документальные свидетельства.

В галерее портретов лингвистов XX в. имя С.П. Обнорского, безусловно, занимает почетное место прежде всего по глубине и цельности его историко-языковедческих трудов. Заметим, что за «Очерки по истории русского литературного языка старшего периода» (1946) он был награжден Сталинской премией I степени. В этой книге ученый выдвинул и обосновал оригинальную концепцию происхождения истории русского литературного языка, вызвав всплеск новых лингвистических дискуссий на эту тему от Б.А. Ларина до Г.О. Винокура и В.В. Виноградова (подробнее об этом см.: [Добродомов 2016: 359 и др.]). Перу С.П. Обнорского принадлежат оригинальные статьи о Пушкине и Ломоносове, о памятниках русской деловой письменности – договорах русских с греками и «Русской Правде», о грамматике Г.В. Лудольфа 1696 г.

Ученый и в послевоенные годы определял политику в академической науке. Находясь на посту директора Института русского языка АН СССР со времени основания (1944 г.) до 1950 г., он немало способствовал развитию традиционных отраслей науки: лексикографии, диалектологии, культуры речи и, конечно же, истории языка.

Личность академика С.П. Обнорского, прошедшего длинный непростой путь в науке и не растерявшего подлинные принципы классической школы, не забыта. Его наследие, в том числе и эпистолярное, изучено значительно слабее, чем ученые труды, но и те немногие письма, которые нам удалось в свое время прочитать, свидетельствуют о редких качествах живого исследователя, гражданина, сохранившего высокое имя просветителя-филолога в эпоху социалистического реализма в науке.

В 1960 г. выходят его «Избранные работы по русскому языку» (1960) со вступительной статьей многолетнего соавтора С.Г. Бархударова, в которой маститый академик справедливо назван человеком

«большой творческой силы, богатой эрудиции» [Бархударов 1960: 25]. «Эти ученые, — отмечал С.Г. Бархударов, — не ломая направления науки, не перестраивая ее основ, своими знаниями, выдающимися способностями, кропотливым трудом обеспечивают рост в общем движении науки» [Там же: 25]. Наверное, эта характеристика деятельности С.П. Обнорского справедлива и сейчас.

С.П. Обнорский был из породы воспитанников академика А.А. Шахматова и нес это филологическое «послушание» с честью всю свою сознательную жизнь.

И еще одну черту С.П. Обнорского необходимо отметить. Она, на первый взгляд, совсем незаметна на фоне его идей и концепций, но показательна. С.П. Обнорский откликался на памятные даты, связанные с уходом известных и уважаемых им лингвистов и всегда находил правильные слова, невольно воссоздавая живой облик целого поколения классиков — И.В. Ягича, А.А. Шахматова, Ф.Е. Корша, Л.В. Щербы, Б.М. Ляпунова, А.М. Селищева. А трудиться для памяти ушедших — работа Божья. И С.П. Обнорский с ней справился великолепно.

ЛИТЕРАТУРА

Алпатов В.М. История одного мифа: Марр и марризм. — М., 1991.

Бархударов С.Г. Творческий путь академика С.П. Обнорского // Обнорский С.П. Избранные работы по русскому языку. — М., 1960. — С. 3–25.

Добродомов И.Г. Сергей Петрович Обнорский // Отечественные лингвисты XX века / отв. ред. В.В. Потапов. — М., 2016. — С. 353–363.

Никитин О.В. Очерки по истории русской лексикографии первой половины XX века (толковые словари): монография. — Славянск-на-Кубани, 2012.

Обнорский С.П. К этимологии слова *лахудра* // Русский филологический вестник. — 1914. — Т. 74. — № 3–4. — С. 380–382.

Обнорский С.П. Именное склонение в современном русском языке. Вып. 1: Единственное число // Сборник ОРЯС АН СССР. — 1927. — Т. 100. — № 3. — С. I–XII, 1–324.

Обнорский С.П. Избранные работы по русскому языку. — М., 1960.

Обнорский С.П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. — М.; Л., 1946.

Обнорский С.П. Очерки по морфологии русского глагола. — М., 1953.

Обнорский С.П., Бархударов С.Г. Хрестоматия по истории русского языка: пособие для студентов высших педагогических учебных заведений. Часть первая. — Л.; М., 1938.

Обнорский С.П., Бархударов С.Г. Хрестоматия по истории русского языка. Часть вторая. Выпуск первый. — М., 1949.

Обнорский С.П., Бархударов С.Г. Хрестоматия по истории русского языка. Часть вторая. Выпуск второй. — М., 1948.

REFERENCES

Alpatov V.M. Istoriya odnogo mifa: Marr i marizm, Moskva, 1991.

Barhudarov S.G. Tvorcheskii put' akademika S.P. Obnorskogo, *Obnorskii S.P. Izbrannye raboty po russkomu yazyku*, Moskva, 1960, pp. 3–25.

Dobrodomov I.G. Sergey Petrovich Obnorskii, *Otechestvennye lingvisty XX veka, otv. red. V.V. Potapov*, Moskva, 2016, pp. 353–363.

Nikitin O.V. Ocherki po istorii russkoi leksikografii pervoi poloviny XX veka (tolkovye slovari): monografiya, Slavyansk-na-Kubani, 2012.

Obnorskii S.P. K etimologii slova *lahudra*, *Russkii filologicheskii vestnik*, 1914, t. 74, № 3–4, pp. 380–382.

Obnorskii S.P. Imennoye skloneniye v sovremennom russkom yazyke. Vyp. 1 *Edinstvennoe chislo*, *Sbornik ORYAS AN SSSR*, 1927, t. 100, № 3, pp. I–XII, 1–324.

Obnorskii S.P. Izbrannye raboty po russkomu yazyku, Moskva, 1960.

Obnorskii S.P. Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka starshego perioda, Moskva, Leningrad, 1946.

Obnorskii S.P. Ocherki po morfologii russkogo glagola, Moskva, 1953.

Obnorskii S.P., Barhudarov S.G. Khrestomatiya po istorii russkogo yazyka: Posobiye dlya studentov vysshikh pedagogicheskikh uchebnykh zavedenii. Chast' pervaya, Leningrad, Moskva, 1938.

Obnorskii S.P., Barhudarov S.G. Khrestomatiya po istorii russkogo yazyka. Chast' vtoraya. Vypusk pervyi, Moskva, 1949.

Obnorskii S.P., Barhudarov S.G. Khrestomatiya po istorii russkogo yazyka. Chast' vtoraya. Vypusk vtoroi, Moskva, 1948.